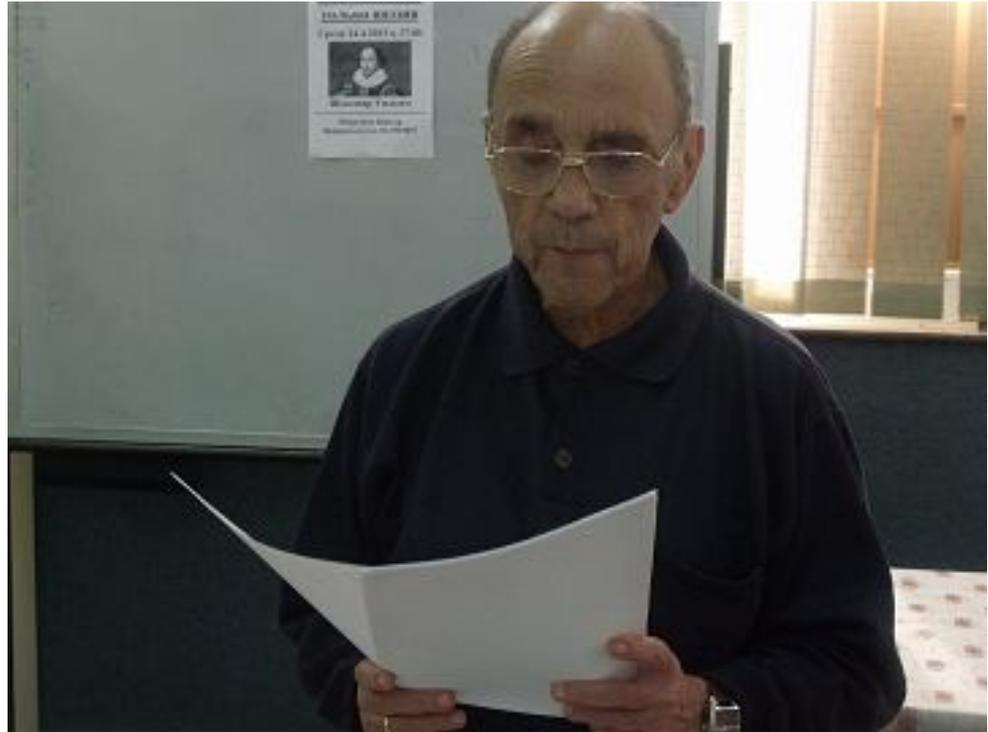

**В клубе «Только стихия, только поэзия» 24 апреля 2013 года.
Собрались в 409-ый раз!!!**

Виктор Мирочник начал о Владимире Набокове, родившимся в этот день

Владимир Владимирович Набоков родился в Санкт-Петербурге 24 апреля 1899 года через 100 лет после Пушкина, как он любил подчеркивать, а свою родословную довольно выразительно описал в автобиографическом романе "Другие берега". Дед писателя был министром юстиции при Александре III, а отец, известный юрист, - один из лидеров (наряду с Павлом Николаевичем Милюковым) Конституционно-демократической (кадетской) партии, член Государственной Думы. Набоков-старший в быту был англоманом, Владимира в семье называли на английский манер - Лоди и английскому языку обучили прежде русского. В 1911 году Владимира отдали в одно из самых дорогих учебных заведений России - Тенишевское училище, хотя оно и славилось сословным либерализмом. Сразу же после октябрьского переворота, в ноябре 1917 года, Набоков-старший отправил семью в Крым, а сам остался в столице, надеясь, что еще можно предотвратить большевистскую диктатуру. Вскоре он присоединился к семье и вошел в Крымское краевое правительство как министр юстиции. Набоковы, через Турцию, Грецию и Францию, добрались до Англии. В том же 1919 году Владимир стал студентом

Кембриджского университета, вначале специализируясь по энтомологии, затем сменив ее на словесность. В 1922-м он с отличием его закончил. После окончания университета Владимир Набоков переехал в Берлин, где его отец основал эмигрантскую газету "Руль". В то время в немецкой столице сосредоточилась литературная и интеллектуальная эмиграция из России, русские заселили целые кварталы.

Переводчик статей для газет, составитель шахматных задач и шарад, преподаватель тенниса, французского и английского языков, актер, сочинитель маленьких скетчей и пьес, голкипер в футбольной команде - этим на первых порах в Берлине Владимир зарабатывал на жизнь. В 1922 году на одном из эмигрантских собраний был убит его отец, заслонивший собой П.Н. Милюкова от выстрела монархиста (по другим версиям - фашиста). Это поколебало религиозное чувство Владимира Набокова, а в дальнейшем он демонстративно подчеркивал свой атеизм, хотя многие страницы его прозы противоречат этому. В Берлине Набоков прожил до 1937 года, затем, опасаясь преследований фашистских властей, переехал в Париж, а в 1940 году эмигрировал в Америку. За европейский период написаны почти все лучшие его книги, подписанные псевдонимом Сирин. В 1923 году вышли два сборника стихотворений - "Горний путь" и "Гроздь" (оба посвящены памяти отца).

Перу Набокова принадлежат четырехтомный перевод на английский язык пушкинского "Евгения Онегина" и комментарии к нему, а также книга "Николай Гоголь", изданная в 1944 году в США на английском языке. В конце жизни Набоков говорил: "Я никогда не вернусь в Россию... Не думаю, чтоб там знали мои произведения..." С этим заблуждением он и ушел из жизни в 1977 году. Похоронен на швейцарском кладбище Клэрэнс в Монтрё

РАССТРЕЛ

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.
Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.
Закрыв руками грудь и шею,-
вот-вот сейчас пальнет в меня!-
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.
Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.
Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг!
1927, Берлин

СЧАСТЬЕ

Я знаю: пройден путь разлуки и ненастья,
И тонут небеса в сирени голубой,
И тонет день в лучах, и тонет сердце в счастье...
Я знаю, я влюблен и рад бродить с тобой.
Да, я отдам себя твоей влюбленной власти
И власти синевы, простертой надо мной...
Сомкнув со взором взор и глядя в очи страсти,
Мы сядем на скамью в акации густой.

Да, обними меня чудесными руками...
Высокая трава везде вокруг тебя
Блестит лазурными живыми мотыльками...
Акация чуть-чуть, алмазами блестя,
Щекочет мне лицо сырыми лепестками...
Глубокий поцелуй... Ты - счастье... Ты - моя...

К РОССИИ

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.
Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен выть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.
Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;
обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня,- мой язык.
Но зато, о Россия, сквозь слезы,
сквозь траву двух несмежных могил,
сквозь дрожащие пятна березы,
сквозь все то, чем я смолоду жил,
дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нащупывай жизни моей!
Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд,-
поздно, поздно!- никто не ответит,
и душа никому не простит.
1939, Париж

* * *

Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей?
О, знаю я, меня боятся люди,
и жгут таких, как я, за волшебство,
и, как от яда в полном изумруде,
мрут от искусства моего.
Но как забавно, что в конце абзаца,
корректору и веку вопреки,
тень русской ветки будет колебаться
на мраморе моей руки.
1959, Сан-Ремо

Затем о Уильяме Шекспире

О Шекспире правды не знает никто, есть лишь легенды, мнения, некоторые документы и его великие произведения.

Английский драматург, писатель и поэт. Родился 23 апреля 1564 года в Стрэтфорде (Stratford-on-Avon). Его мать, Мария Арден (Mary Arden), была дочерью Роберта Ардена - (Robert Arden), фермера в Вилмкоте (Wilmcote), а его отец Джон Шекспир (John Shakespeare), был продавцом шерсти и стал мэром Стрэтфорда в 1568 году. В 1582, 27 ноября Шекспир женился на Энн Хэтэвей (Anne Hathaway), которая была на 8 лет старше его. Шекспир имел троих детей: Сюзанну (Susan) и близнецов Хэмнета и Джудит (Hamnet, Judith) Он проявил себя в качестве писателя, в Лондоне в 1592 году. С 1595 года Шекспир является одним из владельцев "Королевская труппа Джеймса I". В 1599 году он стал одним из владельцев театра "Глобус", а в 1608 - совладельцем Доминиканского театра. К концу своей карьеры в Лондоне Шекспир стал довольно состоятельным человеком, чтобы позволить себе купить дворянский титул и дом в Стрэтфорде. Шекспир умер 23 апреля 1616 года в возрасте 52 года. "Первый Фолио" - произведения Уильяма Шекспира вышли спустя семь лет после его смерти, они были подготовлены к печати его друзьями. Его произведения не имеют точной хронологии

ШЕКСПИР И ТУРГЕНЕВ

По словам Генри Джеймса, И. С. Тургенев "знал Шекспира в совершенстве". О том же и теми же словами свидетельствовали Д. Мур, Л. Пич, В. Рольстон, П. Лавров. "Он проник в него до последних глубин". Из всех русских писателей Иван Сергеевич Тургенев испытал наиболее сильное воздействие на его творчество "величайшего поэта нового мира". В 1869 г., отвечая на анкету одного французского журнала, он назвал Шекспира в числе своих любимых поэтов, короля Лира – среди любимых литературных героев и Джульетту – в качестве единственной любимой героини. "Гигант, полубог", "колосс поэзии", чье имя стало "одним из самых лучезарных, самых великих человеческих имен", – так определяет Тургенев Шекспира. "...Если бы дверь отворилась и... вошел бы Шекспир... – шутя говорит он Фету, – я... упал бы ничком да так бы на полу и лежал". Имя Шекспира и шекспировские образы постоянно присутствуют в творениях и письмах Тургенева. Больше всего ценил он шекспировского Кориолана, а в самом поэте – грандиозность, многогранность, природность, силу, редкостное умение видеть одновременно все стороны жизни. Для него Шекспир – "могучий гений", которому "все человеческое кажется подвластным". "Шекспир берет свои образы отовсюду – с неба, с земли – нет ему запрету, ничто не может избегнуть его всепроникающего взора", он "потрясает... титанической силой победоносного вдохновения", "подавляет... богатством и мощью своей фантазии, блеском высочайшей поэзии, глубиной и обширностью громадного ума". "Как он и прост и многосложен – весь, как говорится, на ладони – и бездонно глубок, свободен до разрушения всяких оков и постоянно исполнен внутренней гармонии и той неуклонной законности, логической необходимости, которая лежит в основании всего живого". Главный секрет Шекспира Тургенев обнаруживает в его собственных словах:

"Природа могла бы встать и промолвить,
Указывая на него: *это был человек*".

Человечность – вот разгадка гения: человечность как духовная свобода, как "дух северного человека, не закругленный в изящные, часто мелкие формы, но глубокий, сильный, разнообразный, самостоятельный, руководящий". В знаменитой статье "Гамлет и Дон Кихот", противопоставляя двух главных героев мировой литературы, Тургенев обратил внимание на ускользнувшее из поля зрения читателей отличие утопического и мыслительного типов: в противоположность энтузиастам Дон Кихотам, увлекающим за собой людей, интеллигенты-скептики Гамлеты "бесполезны массе; они ей ничего не дают, они ее никуда вести не могут, потому что сами никуда не идут", "они одиноки, а потому бесплодны", масса презирает их за "коренную бесполезность". Хотя, судя по всему, Тургенев принял сторону Дон Кихота, самого себя он относил к гамлетовскому типу: "Одна из важнейших заслуг Гамлетов состоит в том, что они образуют и развивают людей, подобных Горацию, людей, которые, приняв от них семена мысли, оплодотворяют их в своем сердце и разносят их потом по всему миру".

Впервые к образу Гамлета Тургенев обратился при написании "Каратаева". В "Гамлете Щигровского уезда" уже вполне оформилась концепция Гамлета – "лишнего человека". Дальнейшее развитие образ получил в "Дневнике лишнего человека" (1850), герой которого Чулкатурин вполне определяется словами статьи о Гамлете: "...постоянно наблюдая за собою, вечно глядя внутрь себя, он знает до тонкости все свои недостатки, презирает их, презирает самого себя – и в то же время, можно сказать, живет, питается этим презреньем". Тургенев недаром высказывал в статье предположение: "Гамлет, вероятно, вел дневник"; такой "дневник" он написал за десять лет до этого. Гамлетовские черты обнаруживаются и в образах "лишних людей" последующих произведений Тургенева: герое повести "Ася" (1857), Литвинове в романе "Дым" (1867), Санине в "Вешних водах" (1871) и др. Теснее всего со статьей "Гамлет и Дон Кихот" связан роман "Накануне" (1859), писавшийся одновременно с нею. Последним тургеневским Гамлетом является Нежданов – герой романа "Новь" (1876).

Гамлетизм Нежданова прямо подчеркивается в романе: "Российский Гамлет", - дважды именуется Паклин. Тургенев сознательно снижал уровень русского гамлетизма, демонстрируя, во что обращаются доморощенные Гамлеты в этой стране. "Степной король Лир" был навеян Тургеневу "Леди Макбет Мценского уезда" Лескова, который, в свою очередь, ориентировался на "Гамлета Щигровского уезда". Повести Тургенева с шекспировскими названиями имеют наименьшее отношение к Шекспиру. Это типично русские вещи, отражающие "сомнения и тягостные раздумья" писателя-западника, противостоящего всей русской литературе: от реакционеров-охранителей и славянофилов до революционных демократов. "Что же делать?" - спрашивал он и отвечал: "...возьмите науку, цивилизацию - и лечите этой гомеопатией мало-помалу" (Письма, VII, 13-14). И эта мысль о необходимости цивилизовать русскую жизнь, а не восторгаться тем, что является в ней наследием крепостничества и политической отсталости, стоит за многими произведениями Тургенева конца 60-х годов, в том числе и за "Степным королем Лиром".

ШЕКСПИР И ТОЛСТОЙ

"Я полагаю, что Шекспир не может быть признаваем не только великим, гениальным, но даже самым посредственным сочинителем". Толстой

Отношения Льва Толстого к Уильяму Шекспиру вовсе не столь просты, как их обычно изображают. Они имеют столь же длинную историю, как и жизнь Толстого, состоящая из подъемов и спадов, признаний и отрицаний. Неверно и то, что оно изначально было резко негативным. Во время написания "Войны и Мира" Толстой признавал в Шекспире "огромный драматический талант". 12 января 1857 года Толстой записал в дневнике о замысле комедии, героем которой должен стать "Гамлет нашего века, вопиющий большой протест против всего...". В конце 70-х - одновременно с очередным "перерождением" Толстого - начался пересмотр Шекспира. Краткая хронологическая справка: "1884-й, письмо к жене: "Макбет" - балаганная пьеса, а главный герой - усовершенствованный разбойник Чуркин. 1896-й, запись в дневнике: Шекспир и Данте - ложные авторитеты, случайно получившие славу. 1897-й, запись в дневнике: Шекспир стал ценим, когда потеряли нравственный критерий. 1898-й, Толстой - Т.Н. Селиванову: Шекспира народ поймет, как все истинно великое. 1900-й, Толстой - Гольденвейзеру: Шекспира и Гете я три раза в жизни протудировал от начала и до конца и никогда не мог понять, в чем их прелесть". Вот ведь как: великий художник, в своих великих творениях воспевавший отнюдь не Гришек и Машек, а их хозяев - Андрея, Пьера, Оленина, Нехлюдова, Левина, Протасова, людей сложнейшей духовной организации, выискивающих смысла бытия, - и этот же художник, третирующий другого за сложность, самобытность, неповторимость, аристократизм, ставящий выше Шекспира примитивную пьеску бездарного предшественника лишь за созвучность моральной проповеди толстовству. Вот уж где Толстой против Толстого... И не только в этом. Но тот же Толстой, отказывающий Шекспиру в праве на художественность, говорил Т. Н. Селиванову: "Почему вы не ставите для народа Шекспира? Может быть, вы думаете, что народ Шекспира не поймет? Не бойтесь, он не поймет скорее современные пьесы из чужого ему быта, а Шекспира народ поймет. Все истинно великое народ поймет". Вот и понимайте... Не принимая Шекспира, Толстой временами - бессознательно - попадал под влияние его магии, выдавая себя многочисленными оговорками. Ему нравились шекспировские слова "вся философия мира не стоит Джульетты", он зал масштаб художника, которому бросал вызов, - потому и бросал...

В проблеме Шекспир-Толстой есть малоизвестный секрет, состоящий в том, что Великий Пилигрим, испытывая неприязнь к Шекспиру, долго не решался на публичный погром. Он консультировался со специалистами, в том числе с крупнейшим российским шекспирологом Н. И. Стороженко, настойчиво разыскивал литературу с негативными отзывами о Шекспире, жадно читал

Рюмелина, говорившего о "безмерной переоценке" Барда Гервинусом. Видимо, Рюмелин и стал последней "разрешающей" инстанцией, пройдя которую. Толстой полностью открыл забрало. Любопытно, что за два года до публикации разгромной статьи о Шекспире корреспондент "Весов" писал, что Толстому не дают покоя лавры Ницше, этого "переоценщика ценностей", и что он готовит аналогичный обвинительный акт против Шекспира. Ницшеанство Толстого в отношении к Шекспиру выразилось в тотальном всеотрицании: пальбе из всех орудий одновременно. "Служитель и забавник сильных мира сего", "полное равнодушие не только к самым важным вопросам жизни, но к добру или злу, сознание того, что все, что он пишет, не нужно ему", "цель его писания вне его", "цель эта самая ничтожная... угодить публике", "арелигиозное мировоззрение", "изысканность, поразительность, глупость и курчавость", "невоздержанность языка", "выделение искусства высших классов от народного искусства", "безнравственность"... Толстой отрицает глубину мысли и характерность Шекспира, отрицает философию Гамлета, отрицает художественные средства, отрицает занимательность сюжета, отрицает полет фантазии и жизненность... Это грубо лубочные произведения, напыщенные, фальшивые и дурного вкуса, и невыносимо скучные для нашего времени. Главная ошибка, которую сделали люди высших классов времени так называемого Возрождения, ошибка, которую мы продолжаем теперь, - состояла... в том, что на место этого отсутствующего религиозного искусства они поставили искусство ничтожное, имеющее целью только наслаждение людей. Содержание пьес Шекспира, как это видно по разъяснению его наибольших хвалителей, есть самое низменное, пошлое мировоззрение, считающее внешнюю высоту сильных мира действительным преимуществом людей, презирающих толпу, то есть рабочий класс, отрицающее всякие не только религиозные, но и гуманитарные стремления, направленные к изменению существующего строя. В Шекспире Толстой отталкивал его антидемократизм, правда о черни, подчеркивание разрушительного начала, интерпретируемое как аморализм. Человек, написавший "Анну Каренину", воспринимал гибель Корделии аморальной уступкой злу. Безнравственность Шекспира состояла в живости изображения человеческого насилия, в отказе от "подставления второй щеки". Автор "Смерти Ивана Ильича", человек, безжалостно живописующий человеческие страдания и смерть, третировал творца "Короля Лира" за беспощадную человеческую правду, требовал от него "указующего перста", направляющего зрителя и указывающего ему "моральку". Старейшему Толстому претила свобода собрата по перу, не укладывающаяся в прокрустово ложе его морализма. Великого художника Толстого не устраивала поэтичность и художественность Шекспира. Недаром сам Шекспир опасался тех, "кого не тронут сладкие созвучья". Почему Великий Пилигрим отказал Потрясающему Копьем не только в гениальности, но даже в художественности? Что это - причуда, каприз великого писателя, дерзость ума, отсутствие святынь, нигилизм? Не будем искать простых ответов, ибо в отрицании одного гения другим - вся широта гениальности: от обычной человеческой нетерпимости до несовместимости колоссов. Здесь же - случай особый, русский. Будучи выразителем русского характера. Толстой продемонстрировал и его крайности - от всеразрушительности до пространственной широты и мощи. Антикультурный и антицивилизаторский импульсы Толстого во времени совпали с его "хождением в народ", с сютаевщиной и хлыстовством. Тяготеющий к крайностям и предельной выразительности, Толстой с ницшеанской экзатичностью отстаивал свою веру. Недаром одна из его статей так и называлась: "В чем моя вера?". А вера его была в том, что народу никогда не подняться до шекспировских высот, да и не нужны они полевому населению. Что с позиции неграмотного крестьянина Рафаэль, Бетховен, Шекспир - барская блажь, изыск, чушь. Что все, что недоступно сырым и слабым, - не искусство, а валяние дурака. Причин неприятия этих высот человеческой культуры Толстым - бесконечное множество, выразившее все стороны его необъятной природы: от изысканности до юродства, от

аристократизма до опрощенчества, от платонизма до кинизма, от высочайшей художественности до рационализации, доведенной до абсурда. В этом также есть что-то глубинно национальное: от великих фантазий до щей и лаптей...

Отношение Толстого к Шекспиру не было случайным всплеском - оно выражало линию, стиль, сущность Толстого, отрицавшего не одного Шекспира, а все нетолстовское. В "Неизвестном Толстом" я показал, что Великий Пилигрим отрицал не только все западное, но и все восточное, в том числе почти всю русскую культуру - притом, что сам обладал шекспировской мощью той же "Крейцеровой сонаты" или "Власти тьмы". Показательно свидетельство А. П. Чехова о встрече с Толстым: "Он [Толстой] мне раз сказал: "Вы знаете, я терпеть не могу Шекспира, но ваши пьесы еще хуже. Шекспир все-таки хватает читателя за шиворот и ведет его к известной цели, не позволяет свернуть в сторону. А куда с вашими героями дойдешь? С дивана, где они лежат, до чулана и обратно? Это притом, что Чехов был у Толстого на особом счету - среди единиц, к которым он благоволил. Анализируя причины неприязни Толстого к Шекспиру, упускают из виду вражду позднего и раннего Толстых. Ведь Великий Пилигрим отрицал не только Шекспира, но и самого себя. Эту мысль с предельной точностью выразил Томас

Манн: "Толстой ненавидит в Шекспире самого себя". Разница лишь в том, что себя он знал хорошо, а Шекспира - плохо, притом умышленно искажал тексты Шекспира и вольно обращался с ними. Толстой подходил к Шекспиру не как к источнику поэзии и художественного наслаждения, не с чистым сердцем, а вооруженный сухой догмой Кросби. Те силы, которые заставили Толстого отрицать собственные художественные произведения, кроме "Бог правду видит" и "Кавказского пленника", заставили писателя подменить объективный анализ драм английского драматурга шутовским, несерьезным и с громадными неточностями как в переводе, так и вообще в обращении с текстом - пересказом трагедий Шекспира. Пытаясь понять отношение Толстого к Шекспиру, Томас Манн пришел к выводу, что Шекспир - "творец, наделенный богатырской жизненной силой... чисто художественной по своей направленности и потому безнравственной". Но разве сказанное не относится и к самому Толстому? Единственное коренное различие между ними в том, что один смотрел на мир с иронией, а другой со всей серьезностью пытался вразумить его. Мышление Шекспира, а не только его стих, было поэтическим. Мышление Толстого было рационалистическим. Я не хочу отнять у Толстого те теплые, человеческие чувства, которыми проникнуто все его творчество, но весь художественный строй его произведений зиждется на ином складе мышления, чем тот, который просвечивает в драмах Шекспира. При всем том Толстой, может быть, самый шекспировский писатель России. Это говорю не я - об этом свидетельствуют Флобер, Голсуорси, Стасов, Репин и многие другие. Большинство отечественных шекспироведов находят множество прямых параллелей: Позднышева - с Леонтом и Отелло, "Войны и Мира" - с хрониками и т. д. С. М. Михоэлс считал, что шекспировское влияние сказалось не только в художественной практике Толстого, но и в его философско-этических взглядах. В известном смысле философия Лира близка толстовству: как и Толстой, Лир находит смысл существования внутри человека, как и Толстой, он только во внутреннем мире находит подлинные ценности. Но толстовское стремление к самосовершенствованию ему чуждо, как и проповедь любви к ближнему. Король Лир никогда не подставил бы левой щеки, если бы его ударили по правой. Его "я" типично феодальное "я". Это мудрость, но мудрость не героическая, а скорее епископическая, библейская: "все суета сует, только я есмь". Это - эгоцентризм, возведенный в принцип. Критика Толстым Шекспира - это критика западной парадигмы восточной. Неприятие Толстым Шекспира - это извечное противостояние Востока и Запада, борьба ментальностей, болезненное проявление русского мессианства, высокомерия и нетерпимости. Я остановлюсь на этой проблеме, потому что она выходит за пределы литературного спора. Это не неприятие одного художника другим, это мировидение нации, ряженный в рассудочность иррационализм, воинственный фанатизм правоверности, снисходительность патриархального

величия, судящего малых сил. Толстой был действительно зеркалом русской революции: нетерпимый к социализму и бунту, отрицанием европейской культуры и Европы он подогрел вульгарный кинизм мужицтва, провоцировал разрушительный нигилизм, превосходя в антицивилизаторском запале провокатора первой "великой" революции Жан-Жака Руссо. Как это ни парадоксально, красные петухи бунта своим происхождением во многом обязаны ярким реакционерам, всю мощь своего гения поставившим на искоренение бесовства. Как это ни парадоксально, русский бунт, бессмысленный и беспощадный, во многом обязан русским духовидцам, в каком-то диком затмении доходящим до крайних форм обскурантизма, шовинизма и европоненавистничества. Не был ли сам "уход" Толстого той мистической платой, которую ему пришлось заплатить Небу за проклятия в адрес короля Лира? Не наказали ли его. Небеса за вызов, брошенный человеческой и, следовательно, божественной правде? "Толстой пытался отрицать Шекспира. Особенно "Короля Лира". Говорил, что это невозможно. Что так не бывает. Что это искусственно, а не искусство. Но так как молния отыскивает самые высокие деревья, так судьба Льва Николаевича Толстого как бы повторила судьбу короля Лира". Поступок Толстого лирообразен. Да, финалом отношения Толстого к Шекспиру стал его "уход": великий художник, осуждавший шекспировского Лира, в один прекрасный день пошел по его стопам, дабы "начать новую жизнь". Он [Л. Толстой] находит неестественным раздел королевства... Анализируя потом положение за положением, переходя от одной ситуации к другой, он доказывает - и довольно убедительно доказывает, - что все это надуманно, неестественно, как неестественна, например, беготня короля Лира по степи с непокрытой головой, встреча с изгнанным Эдгаром. Все это неестественно, нереально, нежизненно, неправдоподобно. Это писал Толстой, будучи всего на несколько лет моложе самого Лира. Но, когда Толстому стукнуло столько же, сколько королю Лиру, он совершил поступок, который во многом напоминает поступок короля Лира: "Толстой в 82 года покинул Ясную Поляну, в которой протекла почти вся его творческая жизнь. Толстой совершил на первый взгляд весьма парадоксальный шаг, к которому он, однако, очевидно, готовился целую жизнь. Но, веря себе самому, Толстой не поверил ни Шекспиру, ни Лиру". "Уход" Толстого - не символ ли "ухода" России? Не ее ли плата за европофобию?..

Мы урожая ждем от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.
А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету, -
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.
Ты - украшение нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай, -
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скардность с растратой.
Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

Когда твое чело избородят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?
И на вопрос: "Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?" -
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?

Но злой насмешкой будет твой ответ.
Достойней прозвучали бы слова:
"Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива,
В них оправданье старости моей".
Пускай с годами стынувшая кровь
В наследнике твоём пылает вновь!

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.
Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо, -
Так велика к себе твоя любовь?
Для материнских глаз ты - отраженье
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под, старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.
Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой - с тобою.

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.
Природа нам не дарит красоты,
Но в долг дает - свободная свободным.
Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.
Несчитанный ты укрываешь клад,
Не становясь от этого богаче.
Ты заключаешь сделки сам с собой,
Себя лишая прибылей богатых.
И в грозный час, назначенный судьбой,
Какой отчет отдашь в своих растратах?
С тобою образ будущих времен,
Невоплощенный, будет погребен.

Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создает для глаз.
И то же время в беге круговом
Уносит все, что радовало нас.
Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва и белый плащ на ней.
И только аромат цветущих роз -
Летучий пленник, запертый в стекле, -
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.
Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

Смотри же, чтобы жесткая рука

Седой зимы в саду не побывала,
Пока не соберешь цветов, пока
Весну не перельешь в хрусталь фиала.
Как человек, что драгоценный вклад
С лихвой обильной получил обратно,
Себя себе вернуть ты будешь рад
С законной прибылью десятикратной.
Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.
Ты слишком щедро одарен судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой.

Пылающую голову рассвет
Приподымает с ложа своего,
И все земное шлет ему привет,
Лучистое встречая божество.
Когда в расцвете сил, в полдневный час,
Светило смотрит с высоты крутой, -
С каким восторгом миллионы глаз
Следят за колесницей золотой!
Когда же солнце завершает круг
И катится устало на закат,
Глаза его поклонников и слуг
Уже в другую сторону глядят.
Оставь же сына, юность хороня.
Он встретит солнце завтрашнего дня!

Ты - музыка, но звукам музыкальным
Ты внемлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?
Где тайная причина этой муки?
Не потому ли грустью ты объят,
Что стройно согласованные звуки
Упреком одиночеству звучат?
Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают, -
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.
Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.

Должно быть, опасаясь вдовьих слез,
Ты не связал себя ни с кем любовью.
Но если б грозный рок тебя унес,
Весь мир надел бы покрывало вдовье.
В своем ребенке скорбная вдова
Любимых черт находит отраженье.
А ты не оставляешь существа,
В котором свет нашел бы утешенье.
Богатство, что растрчивает мот,
Меняя место, в мире остается.
А красота бесследно промелькнет,

И молодость, исчезнув, не вернется.
Кто предает себя же самого -
Не любит в этом мире никого!

По совести скажи: кого ты любишь?
Ты знаешь, любят многие тебя.
Но так беспечно молодость ты губишь,
Что ясно всем - живешь ты, не любя.
Свои лютей враг, не зная сожаленья,
Ты разрушаешь тайно день за днем
Великолепный, ждущий обновленья,
К тебе в наследство перешедший дом.
Переменись - и я прощу обиду,
В душе любовь, а не вражду пригрей.
Будь так же нежен, как прекрасен с виду,
И стань к себе щедрее и добрей.
Пусть красота живет не только ныне,
Но повторит себя в любимом сыне.

Марина Шагалова прочла сонет Шекспира №66 в переводе Маршака:

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
Все мерзостно, что вижу я вокруг...

Но как тебя покинуть, милый друг!

И прочла сонет Шекспира № 66 в переводе Пастернака

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живется богачу,
И доверять, и попадать впросак,
И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену
И вспоминать, что мысли заткнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушие простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.
Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу будет трудно без меня.
Перевод опубл. 1938

Леонид Манпель прочёл свой рассказ «Направление»

Заборцев Альберт прочёл «Алаверды» и «Нацифистка»

Семёнов Владислав высказал хорошие мысли...

Константин Баскович прочёл свои стихи

пение капель глазных,

жёлтые сны глазниц,
сети апрельских снов,
высокие башни туч,
лики полуживых
ресниц и хрупких оков
всего с тонкий луч..
или понять, сорвать,
соврать о собраньи дней,
только успеть на ять
чашу разлить весны
по комнате, чтобы ждать..
где-то среди дождей
красный клён фонарей,
рыжий фонарь луны

на апрельском чердаке
под пылью плед
а над морем, как в реке
плескался свет.
Изворотливая грусть
чеканит путь
не запомнив наизусть
ни сад, ни суть.
Как в исходе окоём,
желает неб,
так и мы переживём
себя и снег.
Мы умрём для жизни без
прекрасных черт,
словно этот впалый блеск
закатных лент.